

АЛЬБИНА НУРИ

ПОГРЕБЕННЫЕ
ЗА МОСТОМ

За пределом реальности

Альбина Нури

Погребенные за мостом

«Автор»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нури А.

Погребенные за мостом / А. Нури — «Автор», 2020 — (За пределом реальности)

ISBN 978-5-04-112198-3

Смерть жены подкосила Илью. Друг предложил ему поехать на подработку в санаторий высоко в горах Сербии, чтобы сменить обстановку и поправить здоровье. Сначала это казалось хорошим решением: в прекрасном, тихом месте, рядом с добрыми людьми Илья был почти счастлив. Однако идиллия быстро закончилась: зарядили затяжные дожди, а потом пришла местная жительница и заявила, что всем гостям и сотрудникам нужно немедленно уезжать отсюда. По ее словам, в горах пробудилось древнее зло, так что тем, кто останется, грозит смерть. Никто не поверил эксцентричной даме, ее поспешили прогнать, но вскоре стало ясно, что женщина вовсе не сумасшедшая. Тьма уже расползается по живописному местечку, и опасность грозит каждому. Сможет ли хоть кто-то остановить зло?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112198-3

© Нури А., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Альбина Нури

Погребенные за мостом

Пролог

Когда они, наконец, закончили, уже стемнело и снова начал накрапывать мелкий, как водяная пыль, дождик.

Лука, который толком не спал уже больше двух суток, валился с ног от усталости, хотя и старался не подавать виду, не жаловался и не роптал – побаивался отца Владимира. Очень уж тот был суров и строг. К тому же втайне Лука гордился, что именно его, посчитав достойным, выбрали в помощники отцу Владимиру.

Гордость – плохое чувство, греховное, но побороть его не очень-то получалось. То, что им предстояло сделать, отец Владимир и все другие посвященные именовали не иначе как «миссией». Провалить доверенное им дело значило бы погубить все, что с таким трудом, с такими потерями удалось свершить братьям.

Но они справились.

– Никто его тут не отыщет, – со сдержанным удовлетворением в голосе произнес отец Владимир, отзываясь на мысли своего младшего товарища. – Никогда.

Это уж точно. По тайной тропе, о которой знал только сам отец Владимир, родившийся в этих местах, они забрались, кажется, на самый высокий горный пик. Окажись здесь Лука в одиночестве, ни за что не нашел бы дороги назад, так и заблудился, и сгинул бы в этих проклятых горах.

Но с отцом Владимиром бояться нечего: до того, как найти себя в служении Господу, он был разбойником – так о нем говорили братья (вернее, шептались, потому что вслух никто бы не отважился), поэтому и знал множество потайных мест в горах, где стоял монастырь.

В пути провели часов двадцать, а то и больше. Сначала долго ехали по разбитой дороге в крытой повозке, которой управлял молчаливый возница с вислыми усами. Потом, когда дорога закончилась, отец Владимир и Лука, забрав свою ношу, долго шли вдоль буйной горной речки, которая с ревом неслась по камням, словно стараясь опередить путников.

Здесь, внизу, всегда было холодно: черные горы, заросшие дикими лесами, нависали, не пропуская солнечные лучи. Лука совершенно вымотался, пробираясь по острым камням. Долгополая ряса липла к телу, обвивала ноги, мешая идти, и он постоянно боялся упасть и размокнуть голову о серые каменные глыбы.

А отцу Владимиру, казалось, все было нипочем: он шел ходко и уверенно, то и дело останавливаясь, чтобы дождаться обливающегося потом Луку. Конечно, думал Лука, ему-то не приходится тащить лопаты и мешок. Впрочем, при мысли о том, *что* тащил отец Владимир, Луку мутило от страха.

Потом, дойдя до какого-то одному ему ведомого места, отец Владимир резко свернул в сторону горной гряды. Лука старался поспевать за ним. Они углубились в заросли деревьев и кустов: мокрые от дождя ветки хлестали по лицу, за шиворот попадала вода, и Лука морщился, чувствуя сбегаящие по спине ледяные струи.

– Наверх, – скомандовал отец Владимир, на мгновение подняв голову к мрачному далекому небу, и Лука послушно поплелся следом, изо всех сил стараясь не думать о том, как станет подниматься на такую высоту.

Он пытался воскресить в себе ту радость, что переполняла его, когда он узнал, что ему предстоит сделать, какую честь оказывают ему братья. Но выходило плохо: боязнь высоты была сильнее той призрачной радости.

Путь вверх давался с трудом. Лука не смотрел вниз, видел перед собой лишь спину своего спутника, но при мысли о том, что с каждым шагом дно ущелья отдаляется от них все дальше, делалось дурно.

«А спуститься как же?» – думал он.

Придется ведь смотреть прямо перед собой, видеть зияющую бездну, похожую на разъявленную пасть дикого зверя – смертоносную, ненасытную. К тому же будет темно, так и оступить недолго.

Наконец подъем закончился. Они оказались на узкой площадке, похожей на сердито выпяченную нижнюю губу, над которой нависал «нос» – выступ скалы.

– Зароем его здесь, – проговорил отец Владимир. – Время пришло.

Лука, у которого ноги подгибались от напряжения, хотел было попросить о передышке, но наткнулся на жесткий взгляд отца Владимира и вонзил в землю лопату.

– Рой поглубже, не меньше двух метров, – приказал отец Владимир, и Лука послушно принялся копать.

К счастью, земля была довольно мягкая, но все равно провозился он больше часа. Отец Владимир все это время стоял рядом, не выпуская из рук то, что следовало опустить в вырытую Лукой яму, и беззвучно творя молитвы.

Наконец Лука услышал сухой приказ:

– Довольно. А теперь отойди в сторону.

Детали ритуала были ведомы лишь одному отцу Владимиру, и Лука, почти не понимая смысла, выполнял то, что от него требовали: вынь из мешка то, подай это. Он знал, что нужно все сделать правильно, дабы то, что они принесли с собой на вершину горы, не смогло вернуться в мир, неся с собой смерть, ужас и разрушение. Сознание ответственности, понимание великой чести, которая была ему оказана, вновь охватили молодого монаха.

И вот теперь, когда все наконец-то закончилось, отец Владимир как раз и проговорил, что никто не сумеет отыскать то, что они только что закопали.

– Возница может проговориться, – вдруг испугавшись, что все труды пойдут прахом, сказал Лука.

– Не сможет, – ответил отец Владимир и улыбнулся. Улыбки в сгустившейся темноте не было видно, но Лука догадался по голосу. – Нож под сердцем сделал его молчаливым.

Луке сделалось страшно от того равнодушия, с каким отец Владимир упомянул об убийстве. Видимо, правду говорили братья: был он прежде настоящим душегубом.

– Я и не заметил, когда ты... – Он сглотнул клейкую тягучую слюну. – Сделал это.

– Еще бы ты заметил.

Отец Владимир подошел к краю платформы и глянул вниз без малейшего следа боязни. Разглядеть что-то в такой темноте он вряд ли смог бы, если только не был способен видеть в темноте, как кошка. Далеко внизу гремела река, перекрывая шорох дождя. Лука, пряча страх, задиристо проговорил:

– А как они узнают, что мы с тобой не станем болтать?

– Мы божьи люди, – ответил отец Владимир, и в этих словах Луке почудилась усмешка. – Ладно, хватит разговоров. Пора возвращаться.

Лука стоял близ стены, на противоположном конце площадки. При мысли о спуске начало мутить.

«Может, до утра подождать?» – пронеслось в голове. Но следом пришла мысль о том, что ночевать рядом с *этим* не менее жутко. И все же хотелось немного потянуть время, чтобы набраться решимости, поэтому Лука задал вопрос, который давно его мучил.

Отец Владимир ответил ему, объяснил все подробно, и больше уже не было причин медлить.

– Пошли, – вздохнул Лука, приблизившись к отцу Владимиру, все так же стоящему у края обрыва.

– Как мы будем... – начал он, собираясь спросить, как они станут спускаться, но не успел договорить.

Отец Владимир быстрым и точным, почти неуловимым движением схватил его за плечо, рванул на себя, а потом с силой толкнул. Предсмертный крик Луки был похож на писк новорожденного котенка – да бедняга и был таким: не повидавшим жизни глупым котенком. Он и постриг-то принял совсем недавно.

Щуплое тело мальчишки полетело вниз и, преодолев несколько сотен метров, ударилось о камни. Отцу Владимиру хотелось думать, что он ничего не понял и умер быстро, разбив голову об один из каменных выступов. Он ощутил нечто похожее на жалость и пустоту. Если бы мог обойтись без помощи, то не стал бы брать Луку. Но одному было не управиться. Несмышлениш-Лука был крошечным винтиком, однако не сделай он свою часть работы, ничего бы не вышло.

Отцу Владимиру доводилось убивать, но две последние смерти не отягощали его совести и не пятнали души. Братья отмолят, но даже не это главное. Господь знал, что иначе нельзя, что он совершил все во имя Его.

– По-другому никак, Лука, – тихо проговорил отец Владимир, стремясь объяснить покойному, почему ему пришлось принять такую жестокую смерть. – Вздумай ты распустить язык, все могло бы повториться.

А повторения следовало избежать любой ценой. Отец Владимир поклялся сделать все, как нужно, – и сделал.

Мир очистился от скверны, погубившей несчетное число душ и уничтожившей бы гораздо больше, если бы братья, Лука и он сам не положили этому конец.

– Кончено, – проговорил отец Владимир.

Теперь оставалось последнее. Он сплел пальцы в тугой замок, опустил голову, прикрыл глаза и прочел молитву. Потом еще одну.

Закончив, посмотрел в темноту. Он не видел перед собой ничего, кроме мрака, но это было неважно. Внутреннему взору его была доступна дикая, зловещая красота здешних мест. С детства он знал каждый камень, каждый куст, и был рад, что именно здесь ему предстоит соединиться со Всевышним.

Он много грешил, всеми силами старался искупить грехи, когда понял, что ему открылся Свет, и верил, что сегодняшняя поступок отворит ему путь к сияющей вершине Божьего прощения.

«Я иду к Тебе», – мысленно проговорил отец Владимир и без страха шагнул в пропасть. Ледяная черная бездна приняла его, вознося к небесам.

Часть первая

Глава первая

Количество вранья зашкаливало. От натужных улыбок сводило челюсти. От лживых слов, что застревали в глотке, тошнило и хотелось прополоскать рот.

– Ты прав, так будет лучше, – сказал он и подумал, что дольше ему не выдержать. – Иногда нужно сменить обстановку.

– Конечно, я прав! – с фальшивым энтузиазмом подхватил Александр, которого все обычно называли Ацо. – Денег подзаработаешь, а заодно и здоровье поправишь, нервы подлечишь, успокоишься. Знаешь, какая там красота? А воздух какой? Его ложкой можно черпать! А потом вернешься и с новыми силами...

«Не будет никаких «новых сил». Откуда им взяться? Да и зачем?»

Будущее не просто виделось туманным – оно отсутствовало. А может, все было не так уж и безнадежно, просто не хотелось за него сражаться – с судьбой, с самим собой, со своим организмом, нежеланием вести дела, как прежде, и бог знает с чем еще.

– Тебе помочь? Ну, собраться или...

Ацо не договорил, преданно глядя на Илью, и ему подумалось, что даже в детстве и юности, когда вокруг всегда полно народу, не было у него друга надежнее.

Невысокий и плотный, с большими грустными глазами и крупным мясистым носом, Александр поначалу показался Илье похожим на печального клоуна. Потом, спустя короткое время, он понял, что не встречал никого великодушнее и добрее.

Сербы в большинстве своем открытые, общительные, доброжелательные, готовые помочь – по приезду Илью это немало удивляло. Страна, которая стала его домом, была теплой во всех отношениях – климат, люди, условия жизни. Он оттаивал здесь, отдыхал душой, делался мягче, проще.

Илья женился на сербке Славице и переехал сюда девять лет назад, продав квартиру в России, и, по прошествии этого, не столь уж продолжительного времени, привык, обжился, врос в местную благодатную почву обеими ногами.

А теперь его будто выкопали из этой гостеприимной земли, словно куст малины, и бросили засыхать.

– Я уже собрался, Ацо. Завтра возьму сумку и на автобус.

Друг кивнул и глотнул пива из зеленой запотевшей бутылки. Они почти каждый вечер сидели на террасе и пили пиво – то у Ильи, то у Ацо.

Пьют в Сербии не как в России: с одной бутылкой пива или рюмкой ракии (в сочетании с чашкой кофе) могут запросто весь вечер просидеть. Говорили по-сербски: благодаря все тому же Ацо и Славице Илья освоил язык быстро, через полтора года разговаривал совершенно свободно.

– Позвони, как доедешь. И вообще звони, не пропадай.

– Конечно.

Они помолчали.

– Но ведь это и вправду хорошо, что ты поедешь, – чуть ли не жалобно проговорил Ацо. – Нужно следить за здоровьем. Мы с моей и так переживаем! – Под «моей» следовало понимать Добрилу, жену Ацо. – Как бы у тебя что с легкими не случилось: ты ведь каждый день пылью дышишь, бензином!

Говорить другу, что он сам наносит собственным легким куда больше вреда, выкуривая по две пачки сигарет в день, было бесполезно. У Ацо вообще были весьма оригинальные суж-

дения о медицине. Например, он не пил кофе с молоком, потому что свято верил, что это вредит печени, «цементирует» ее. При этом килограммами поглощал жирную свинину, домашнюю свиную колбасу, плескавицу, чевапи, «печене» – жаренных на вертеле поросят и чорбу из ягнятины, абсолютно не опасаясь нанести печени урон.

Или, например, Ацо не притрагивался к рыбе, считая, что в ней скапливаются всякие вредные вещества, и постоянно предупреждал Илью, чтобы и он не ел. Однажды Илья со Славицей пожарили красную рыбу, и Славица подавилась костью.

– Вот, я же вам говорил, что рыбу есть вредно! – горестно причитал Ацо, а Славица, несмотря на кость в горле, смеялась над ним.

Славица...

– Если бы все заболели от пыли, давно бы на земле никого не осталось, – возразил Илья. – Да не переживай ты так. Я же сказал: сам хочу ехать. Мне это только на пользу. И все наладится.

«Ничего не наладится. Никогда».

Ацо мотнул головой и как-то по собачьи встряхнулся.

– Автобусом ехать несколько часов, – сказал он. – Тебе моя в дорогу печет буреки с сыром и мясом. Чай возьмешь в термосе – и нормально. Доедешь.

Илья и без буреков с чаем доехал бы, аппетита в последнее время не было, но он ни за что не стал бы обижать отказом Ацо и Добрилу.

– Спасибо. Буду ехать, любоваться пейзажем и жевать. Красота! Сто лет так не ездил – все за рулем да за рулем.

Несмотря на бодрый тон, Ацо уловил горечь в словах друга и поспешно проговорил:

– Ты не расстраивайся насчет машины! Можно жить и без нее, даже лучше, проблем меньше! Я бы тоже свою продал, просто мне без нее никак не обойтись.

«Детский сад какой-то», – подумал Илья.

Ацо с женой держали «месару» – мясной магазинчик в двух кварталах отсюда. Как и у Ильи, и у многих сербов, на первом этаже в его доме была лавка, на втором – жилые комнаты.

– А ты сам в Бадальской Бане был? – спросил Илья, вспомнив, что почему-то раньше не задавал Ацо этого вопроса.

– Нет. В тех местах был – Ужице, Тара, Златибор, а в Бадале – нет. Она дальше. Те места красивые, тебе понравится. Высоко в горы, конечно, заберешься, но местные водители с закрытыми глазами водят, не бойся.

Спустя три часа Илья лежал в кровати, уставившись в потолок. Собранная дорожная сумка сторожила входную дверь. Испеченные Добрилой буреки и термос Ацо сложил в отдельный пакет и приткнул рядом на тумбочку – чтоб друг не забыл. Он хотел прийти и проводить, чтобы самолично убедиться, что все хорошо, Илья сел в автобус и ничего нужного дома не оставил, но тот отказался. Терпеть не мог долгих проводов и тягостных, пустых разговоров в ожидании.

Автобус отходил в семь тридцать, сейчас было два часа ночи – еще спать и спать. Но сон не шел. При мысли о том, что он покинет дом, в котором прожил столько счастливых лет, наваливалась горькая тоска.

«Отработаешь положенное и вернешься!» – говорил Ацо.

Но Илья был уверен, что дом придется продать. Он находился в одном из поселков в Воеводине, на равнинной местности, на дороге, соединяющей Белград и Шабац. Удачное место для автосервиса: клиентов всегда много, к тому же рядом – автозаправка. Но после того, что случилось, ни работать, ни жить там Илья не сумел бы. И сесть за руль машины – тоже.

Перед глазами встало лицо Славицы. Они познакомились в Греции, оба приехали туда на отдых. Илья – с девушкой, которая думала, что он сделает ей предложение где-нибудь среди живописных античных развалин, а Славица – с сестрой.

Они жили в одном отеле и столкнулись у бассейна. Вернее, Илья нечаянно толкнул девушку, и она уронила в воду стакан с соком. После многословных извинений и попыток выловить злосчастный стакан из бассейна, Илья пригляделся к девушке и понял, что ни у кого, никогда не видел таких сияющих глаз и ясной, слегка удивленной улыбки.

Славица смотрела на мир широко распахнутыми глазами, не скрывая восторга перед всем, что видела. Она то и дело смеялась, шутила, никогда не ворчала, не сетовала и не жаловалась, умела во всем видеть только хорошее.

Уже на другой день Илья понял, что влюбился и ничего не может (а главное, не хочет) поделать с этим чувством. Девушка, с которой он приехал, устроила скандал и уехала в Россию, а Илья, чувствуя себя предателем и одновременно счастливейшим из смертных, остался.

Поженились они со Славицей не сразу, спустя почти два года бесконечных звонков, переписки, поездок друг к другу, встреч на нейтральной территории. Илья продавал доставшуюся от родителей квартиру, машину, улаживал дела на работе – а сейчас казалось, что только понапрасну терял время, которое мог бы провести рядом со Славицей и которого им не хватило.

Казалось, впереди долгие годы: все успеется – и дети, и путешествия, и сад с вишневыми и абрикосовыми деревьями, и беседка, увитая виноградом, о которой мечтала Славица. Годы летели, из Белграда они переехали в дом, откуда Илья завтра отправится в путь, открыли автомастерскую с небольшим магазинчиком.

Жили себе и жили, даже ссорились иногда, даже возмущались чему-то. А потом все оборвалось. Илья повернулся на бок и заставил себя закрыть глаза.

«Спи уже!» – приказал он себе, думая, что это не сработает.

Однако сработало: Илья заснул и даже увидел сон.

Он стоял на вершине горы, на такой высоте, что голова кружилась, а в ушах свистел ветер. Его слегка покачивало, и от этого было жутко. Далеко внизу вилась голубовато-зеленая полоска реки. Казалось, скалы с двух сторон сдавливают ее, а она хочет вырваться.

– Как же красиво здесь, – сказала Славица, подходя ближе. – Я и забыла.

У него замерло сердце – откуда она здесь? Как сумела вернуться? Впрочем, это было совсем не важно. Илья боялся, что она снова уйдет, не знал, что ответить, и потому просто молчал, сжимая ее тонкие пальцы.

– А страшно-то как! Высоко и страшно, – продолжала его покойная красавица-жена. – И ведь все равно никуда не денешься, придется прыгать.

От неожиданности Илья обернулся к ней и увидел в темно-карих цыганских глазах приговор. В следующее мгновение он уже летел вниз, навстречу реке, вспенивающей свои воды возле каменных глыб.

– А-а-а! – закричал Илья, срывая связки и чувствуя, как сердце выскакивает из груди.

От собственного крика он и проснулся, а через секунду на тумбочке закурлыкал будильник.

Встать, умыться, привести себя в порядок – на все про все ушло меньше получаса. Илья запер дверь, сунул ключи во внутренний карман сумки (одна связка осталась у Ацо) и спустился по внешней лестнице во двор.

Первый этаж был заперт: мастерская и магазин не работали уже больше трех месяцев, и Илья окинул окна и вывеску виноватым взглядом, как брошенных друзей.

«Добро место» – сообщала вывеска. Да, место и вправду было хорошее. Здесь предлагали необходимые путникам недорогие товары, Славица за прилавком была само радушие, Илья ремонтировал машины дешево, быстро и качественно: и местные к нему ходили, и проезжающие – в дороге всякое случается.

Все было – все рухнуло.

А теперь нужно уезжать.

Илья покрепче перехватил сумку и пересек двор. Вместо забора была живая изгородь около метра высотой. «Так и не убрал», – досадливо подумал Илья, покосившись на рекламный знак, приглашающий починить машину и заглянуть в «продавницу». Ничего, Ацо уберет.

До автобусной остановки – всего три дома. Он прошел мимо них, не забывая поздороваться с соседями. Ему в ответ улыбались, махали руками, кричали «сречан пут» – желали счастливого пути. Старик Станко, как обычно, косил газон, и Илья, как обычно, подумал, что он и без того лысый, чего там косить-то?

На остановке никого не было, и в подошедшем вскоре автобусе пассажиров тоже оказалось немного. Илья прошел в конец салона и занял место возле окна.

«Поехали!» – мысленно процитировал он Юрия Гагарина, отправляясь в свой космос, в свою неизвестность.

Глава вторая

– Ты, видать, чокнутая немножко, да? – Катя смотрела на Васю круглыми и черными, как смородины, обильно накрашенными глазами. – Часто с тобой такая фигня случается?

Вася подумала, что «такая фигня» с ней периодически происходит всю жизнь. Но говорить про это девочке, с которой они познакомились каких-нибудь полчаса назад, точно не следовало, и она уже собралась соврать что-нибудь подходящее, как вдруг ее замутило.

Тошнота была настолько сильная, что Вася испугалась, как бы ее не вырвало прямо на пол. Она заметалась в поисках туалета, потом сообразила, что найти и добежать не успеет.

В панике Вася бросилась к выходу из здания, выскочила за дверь, пробежала пару шагов, и ее вывернуло прямо возле раскидистого куста сирени, который давно отцвел.

– Что за хрень! – раздался чей-то возмущенный голос, и, подняв голову, Вася увидела стоящего рядом невысокого белобрысого парня в очках с сумкой через плечо, который завел руку за спину, явно что-то пряча.

– Извини, пожалуйста, – сдавленно пробормотала Вася, мучительно краснея. Почему она вечно попадает в такие идиотские ситуации? Вася полезла в карман и достала носовой платок. – Я не нарочно. Не видела тебя. Меня после этого иногда тошнит. Не часто, но... На тебя не попало?

– После чего – «после этого»? – настороженно спросил он. – Ты пьяная, что ли? Или обкуренная?

– Нет, она просто слегка того, – успокоила его подоспевшая Катя. – А ты тоже едешь куда-то? – И, не успев он ответить, добавила: – Мы так и будем около блевотины стоять?

Васино лицо пылало так, что, кажется, могло в самом деле загореться. Все трое отошли от злополучной сирени обратно к двери, ведущей в здание автовокзала.

– Так куда ты едешь? – снова спросила Катя, но парень опять не ответил, потому что стеклянная дверь распахнулась, выпустив наружу полную взволнованную женщину в бело-розовом брючном костюме.

– Димка! – воскликнула женщина. – Где тебя носит? Ты меня с ума сведешь!

– Я тут просто... – начал было новый Васин знакомый.

– Надеюсь, не пробовал опять курить? С твоими бронхами это самоубийство!

«Так вот что он прятал за спиной – сигарету!» – поняла Вася.

– Нет, конечно! Хватит меня вечно подозревать, – оскорбленно проговорил Дима и поправил очки.

– Хорошо, хоть ума хватило. – Женщина подозрительно посмотрела на девушек. – Вы тоже из группы?

– Летим в Сербию, – за всех ответила Катя. – Мы с Димой только что познакомились. Моей подруге стало дурно, и ваш сын ей помог.

«Подруге? Помог?»

Вася ошарашенно посмотрела на Диму.

– Не задерживайтесь тут, – по-прежнему недовольно проговорила мать Димы, очевидно, решив не вдаваться в подробности, чем именно мог помочь девушке ее сын. – Автобус через двадцать минут.

Мама Димы ушла. Неловкая пауза повисла было, но не затянулась.

– Значит, тоже в нашей группе больных, – сказала Катя. – Ты Дима. Я – Катя. А она – Вася.

– Вообще-то я Василина...

– Но Вася – лучше. – Катя улыбнулась, и на щеках появились ямочки. – Все, держимся вместе. Только я не поняла: ты куришь или нет?

– Да... То есть не... Я просто попробовал несколько раз.

– Но «с твоими бронхами это самоубийство», – передразнила Катя Димину мать. Это вышло не зло, а забавно, так что обижаться было не на что.

– Мне все равно не понравилось. – Дима улыбнулся, поправил на плече сумку и мельком глянул на Васю. – Ладно, пошли. А то опоздаем еще.

Микроавтобус, которому предстояло отвезти в московский аэропорт группу детей, должен был отправиться в восемь сорок, но опоздал на пятнадцать минут. Руководитель группы, энергичная молодая женщина с короткими каштановыми волосами, торопила водителя и говорила что-то сердитым и одновременно умоляющим голосом.

Звали ее Ниной Алексеевной, и мама Васи, стараясь убедить в этом больше саму себя, нежели дочь, сказала, что руководительница, несмотря на возраст, выглядит вполне надежной и ответственной.

Мама и Вася никогда надолго не расставались. И до последней минуты Раиса не была уверена, что правильно поступает, отпуская дочь одну в такую даль.

Вчера, когда они уже собрали вещи и поужинали, мамина лучшая подруга (а по совместительству крестная мать Василины и их соседка по лестничной клетке) Валя сказала:

– Рая, ты эти глупости прекращай. Сама дергаешься и Ваську дергаешь! Эгоистка, самая натуральная! Ребенок лечиться едет. Так повезло, путевку дали, еще и бесплатно. А условия там какие! Закачаешься! – В Бадальской Бане крестная не была, как и в Сербии, и вообще нигде за рубежом, но говорила так уверенно, будто путешествовала «по заграницам» всю сознательную жизнь. – Ты же знаешь, сама в интернете видела!

Мама вздохнула. Конечно, она знала, что поездка пойдет Васе на пользу, и была очень счастлива, что есть такая возможность, и поначалу не верила, что все получится, поскольку была убеждена, что поедут не остро нуждающиеся, как ее дочь, а «блатные», так что ей, матери-одиночке, и думать нечего о том, чтобы пристроить дочь.

– Все ты правильно говоришь. Но целых два месяца одна...

Мама жалобно посмотрела на Васю, и у той зашипало в носу. Захотелось встать и сказать: «Никуда я не поеду!» Тем более, после того, что произошло на днях... Но нет, про это лучше вообще не думать.

– Я же тут, с тобой! – Крестная Валя не имела детей и мужа, Раиса и Вася были ее семьей. – Хочешь, могу к тебе на это время перебраться, вместе веселее. – Она посмотрела на Василину. – Ты-то сама как, Васька, молодцом?

Вася улыбнулась.

– Вот видишь, мать? Да в этих сербских Банях вся Европа лечится – и наша Васька!

Провожать ее на автобусную станцию крестная Валя не пришла – с работы не получилось отпроситься, так что Раиса стояла одна, пристально вглядываясь в лицо дочери, словно стараясь запечатлеть в памяти каждую черточку. Мамина тревога вкупе с теми *вещами*, которые видела Вася, усиливала ее собственное волнение. И если бы не Катя, она бы, наверное, не выдержала и сбежала, отказалась от поездки. Жила она без этой Сербии с ее Банями, и еще проживет.

Катя рассматривала себя в зеркальце, не глядя в окно. У нее были густо накрашенные ресницы, темные тени и сливового цвета блеск для губ. Несмотря на яркий макияж, Катя умудрялась не выглядеть вульгарной. Все это великолепие ей даже диковинным образом шло.

Вася вспомнила, как впервые увидела ее сегодня. Раиса беседовала с Ниной Алексеевной, Вася стояла возле большого окна и смотрела на привокзальную площадь. Стекло было грязное, мутное, исхлестанное дождями, смотреть было неприятно. Вася отвернулась и сразу увидела девушку примерно своего возраста, которая сидела в кресле и глядела на нее, точно ждала, когда она обернется.

– Привет. Я Катя. Похоже, мы с тобой теперь соседки.

Вася назвалась и робко улыбнулась: она всегда немного завидовала людям, которые умели вот так, запросто, начать разговор с совершенно незнакомым человеком.

– У тебя на самом деле диагноз? – спросила Катя. Позже Вася привыкла к ее манере говорить все в лоб и задавать любые неудобные вопросы, но в тот момент была обескуражена.

– А у тебя что – нет?

«Наверное, она из тех «блатных», про которых мама говорила», – мелькнуло в голове у Васи, и Катя немедленно подтвердила ее правоту:

– Мать договорилась, с кем надо, и мне нарисовали аллергический чего-то там. Ей нужно меня сплавить, чтобы под ногами не путалась. Бизнес, а еще новый роман и все такое. – Катя закатила глаза.

«Кому-то, кто правда нуждается, не хватило места из-за нее», – подумала Вася, но испытывать неприязнь к Кате было просто невозможно. К тому же, похоже, за показной бравадой скрывалась обида на мать, которая «сплавляла» дочь за тридевять земель за ненадобностью.

– В нашей группе десять человек. И, кажется, все, кроме нас, малышня.

У Кати в ушах болтались длинные серьги – спиральки с кораллово-красными камушками. Солнечный луч упал на сережку, и камушек заискрился острыми алыми лучиками.

Катя продолжала говорить еще что-то, но Вася перестала ее слышать, не в силах оторвать взгляда от кумачовых всполохов. Уши заложило, все звуки растаяли, на лицо словно набросили мягкое душное покрывало. «Началось!» – успела подумать Вася, а потом окружающий мир покачнулся и поплыл куда-то, и девушка перестала ощущать себя его частью, проваливаясь во что-то, что она сама называла «воронкой».

Очувшись в этой «воронке», Вася обычно видела разные *вещи*. Одни были безопасными и даже полезными, другие пугали. Выбравшись из «воронки» Вася помнила не все, что видела, но и того, что удавалось вытащить оттуда, было достаточно, чтобы понимать: она бывает где-то, куда остальным людям путь заказан.

Сегодня Катя увидела странную процессию. Мужчины и женщины в черных одеждах медленно шли куда-то в полном молчании. На головах у женщин были черные платки. Народу было много, и никто не обращал внимания на Васю.

Люди шли и шли, и она поняла, что ей тоже нужно с ними, нужно узнать, куда они идут. Вася пристроилась в хвост колонны и пошла вслед за остальными. Но не сделала и нескольких шагов, как идущая впереди женщина обернулась к ней и прошептала:

– Быть беде, большой беде... Видишь: покойника через мост переносят! Боятся, что он может вернуться! Только это не поможет. Ничто уж не поможет.

Лишь в этот миг Вася сообразила, что попала на похороны, и хотела спросить, кого хоронят, но не успела.

Обычно все заканчивалось так же резко и быстро, как и начиналось. Вот и на этот раз Вася обнаружила, что и женщина в черном, и вся процессия сгинули без следа, а она все так же стоит рядом с Катей, а та смотрит на нее с нескрываемым любопытством, как на забавную зверушку.

– Эй, ты еще здесь? – Катя пощелкала пальцами перед носом Васи.

– Покойника через мост переносят. Боятся, что он может вернуться! Только это не поможет. Ничто уж не поможет, – как попугай, повторила Вася услышанную только что фразу.

И вот тогда Катя спросила, не чокнутая ли она.

Вася решила не рассказывать маме про очередное видение: та всегда переживала, когда подобное случалось. К тому же та женщина возникала в Васиных видениях уже не в первый раз, и девушка не могла понять, что должно означать ее появление.

Катина мать стояла рядом с мамой Васи. Похоже, у них с дочкой были совсем иные отношения. Броско и дорого одетая, слишком молодая, чтобы быть матерью семнадцатилетней

дочери, эта ухоженная женщина, как и сама Катя, тоже не прилипла взглядом к окну автобуса, вместо этого улыбалась рассеянной улыбкой, уткнувшись в смартфон.

Да, у нее же роман, вспомнила Вася, и на ум почему-то пришел Дима.

Двигатель заурчал, автобус дернулся, двери с сухим шипением захлопнулись.

– Ребята, мы поехали! Всем пристегнуться! – громко сказала Нина Алексеевна.

Мамы – Васина и Катина – замахали руками, заулыбались: Катина – радостно, Васина – едва сдерживая подступившие слезы.

Когда автобус отъехал от станции и провожающие пропали из виду, Катя повернулась к Васе и потребовала:

– Теперь давай, рассказывай, что с тобой не так!

Глава третья

Главный врач Бадальской Бани, в отличие от ее директора, понравился Илье сразу. Бывает такое: видишь человека впервые в жизни и чувствуешь к нему мгновенную, ничем, в общем-то, не мотивированную симпатию. Главврача звали Дарко, и было ему за пятьдесят. Высокотелый, как и большинство сербов, которые считаются одной из самых высокорослых наций, с горбатым носом, большими руками и громким голосом, Дарко напоминал сказочного великана.

– Привет, дружище, – протрубил он, завидев Илью. – Рад, очень рад! Заходи в любое время и...

– Боюсь, времени у него будет немного, – отрывисто бросила директриса. – Удачного дня, доктор. Простите за беспокойство. Я просто показываю Илье территорию.

Она развернулась на каблуках и направилась к выходу из кабинета. Дарко за ее спиной скорчил зловещую рожу и полоснул себя рукой по горлу, что, видимо, должно было означать, что директриса замучила его до смерти.

Илья ухмыльнулся и пошел за своей провожатой. Он прибыл в Бадальску Баню два часа назад, и все это время, бросив свои вещи возле стойки администратора, ходил за директрисой, заглядывая во всей уголки.

Добраться сюда было непросто: Баня находилась высоко в горах. Автобус привез Илью в город Ужице – славный, прелестный городок, где он взял такси, чтобы добраться до места назначения.

Примерно через час пути, свернув с главной трассы, автомобиль стал карабкаться все выше и выше в горы, и хотя дорога была отличная (в Сербии вообще мало плохих дорог), но настолько узкая и извилистая, что у Ильи то и дело замирало сердце. Несколько раз они ныряли в тоннели – темные, длинные, как кротовьи ходы, и при мысли о том, что над их головами нависают огромные горы, делалось дурно.

Последним испытанием стал переезд через мост – деревянный, ненадежный на вид.

– Не бойся, брат, – смеялся водитель, – тут автобусы проезжают, и мы проскочим! Это он только на вид хлипкий, а сваи там знаешь, какие!

Въехав на территорию Бадальской Бани, таксист высадил своего пассажира на пяточке перед длинным трехэтажным желтым зданием с белыми балконами, но сам уезжать не спешил: пошел набрать целебной воды из местного источника. А в Илью тут же вцепилась директриса, назвавшаяся Мариной.

Рыжая, худая, с раскосыми светло-кариими глазами и ртом-щелью, она казалась нервной и взвинченной. Ладонь, которую Марина протянула Илье для рукопожатия, была холодной и узкой.

– Вас рекомендовал Йован. Надеюсь, мы сработаемся, – проговорила она, и Илья неуверенно улыбнулся.

Он понятия не имел, кто такой Йован. Этот человек был замыкающим звеном в длинной цепи, приведшей Илью в Бадальску Баню. Процесс запустил Ацо, который видел, что Илья после смерти Славицы все глубже погружается в болото, откуда у него нет ни сил, ни желания выбираться.

– Я рада, что вы с нами. Здания старые, вечно что-то выходит из строя. Йован сказал, что у вас золотые руки.

«Спасибо, Йован!» – мысленно поблагодарил Илья своего рекомендателя. Устроиться на работу по чьей-то протекции – очень по-сербски. Илье казалось, что в Сербии все друг с другом знакомы, если не лично, то через вторые-третьи руки.

– Постараюсь не подвести вас, – вежливо ответил он.

– Уж постарайтесь, – бросила она, и Илье пришло в голову, что она не очень похожа на сербку: и голос больно уж тонок, и в характере – никакого впитанного с молоком матери уважения к мужчине. Как позже выяснилось, Марина была сербкой только на четверть. Мать ее была немкой, отец – наполовину серб, наполовину – румын.

Встретив Илью, она первым делом показала ему главный корпус для гостей – то самое трехэтажное желтое здание. У него было два крыла, Марина назвала их Восточным и Западным.

Внутри было ухожено и чисто, много зелени, обстановка красивая и явно недешевая: лестница из мрамора, лепнина на потолке, но в то же время все казалось устаревшим, каким-то нафталиновым.

На первом этаже Восточного крыла располагались столовая, библиотека, бильярдный зал, комната отдыха с телевизором и небольшой магазинчик с самыми необходимыми товарами, а первый этаж Западного был отведен под бассейн и сауны. Комнаты гостей находились на втором и третьем этажах.

– Сейчас функционирует только один корпус для гостей, мы называем его Главным, – в голосе директрисы прозвучала затаенная грусть. – А прежде их было два. Но второй пришлось закрыть лет двенадцать назад. Здание ветшает с каждым годом, предупреждаю сразу: ходить туда небезопасно.

– Где этот корпус?

– Нужно пройти через парк. Отсюда его не увидеть. То здание намного меньше и изящнее. По первоначальной задумке там должны были селиться гости, которые любят уединение и особый комфорт, и готовы за это хорошо платить. Но... Таких находилось слишком мало, и выгоднее оказалось закрыть корпус, чем обслуживать один-два номера, пока остальные пустуют.

Спустя некоторое время Илья и Марина вышли из Главного здания. Такси уже уехало, и на площадке перед ним никого не было. Чуть вдали виднелась стоянка, на которой были припаркованы примерно три десятка автомобилей.

– А там лечебный корпус, – Марина указала на двухэтажную стеклянную коробку. – Пойдемте.

В лечебном корпусе они пробыли недолго.

– А где живет персонал? Или все местные? – поинтересовался Илья, потому что больше никаких зданий видно не было.

– Большая часть сотрудников живет в окрестных поселках, приезжает сюда на работу. Но несколько человек живут здесь, в Бане. На третьем этаже Западного крыла есть комнаты для служащих. Поверьте, вам будет удобно: не нужно заниматься уборкой, стиркой, и в нашей столовой всегда вкусная еда. Можете также питаться в кафе. Оно в парке.

Илья был с ней согласен: отсутствие бытовых проблем облегчает жизнь. Некоторые, весьма обеспеченные и знаменитые люди, предпочитают не иметь собственного жилья и жить в отелях и гостиницах. Самому Илье всегда хотелось иметь собственный дом, и он у них со Славицей был, вот только без жены стал ему в тягость.

Огромную часть Бадальской Бани занимал живописный, но слегка запущенный парк с фонтаном посередине, лавками, расставленными вдоль длинных аллей, летним кафе и странными, немного нелепыми скульптурами.

– Здесь много реликтовых редких растений, – с оттенком гордости проговорила Марина, ведя Илью по парку. – Есть двухсотлетние платаны, например. Кафе работает каждый день с восьми утра до полуночи. В выходные на открытой террасе выступают музыканты – приглашаем один симпатичный коллектив из Ужице. Талантливые ребята.

Людей на территории курорта было мало. А может, отдыхающие были, но сейчас отдыхали в своих номерах: шел второй час, самое время вздремнуть.

– Бадаальска Баня не очень-то популярное место, – словно в ответ на мысли Ильи проговорила Марина. – Как сейчас говорят, не слишком раскрученное. Вы, конечно, в курсе, что в Сербии больше пятидесяти курортов с термальными источниками, которые излечивают от самых разных заболеваний. Наша специализация – всевозможные болезни органов дыхания. И результаты – отличные, и цены – приемлемые.

– В чем же проблема?

– Что сербы, что иностранцы с проблемами дыхательной системы предпочитают ехать на лечение в широко разрекламированные Соко Баню и Буковичку Баню. К тому же туда гораздо проще добраться. В эти здравницы вкладываются огромные деньги, есть господдержка, а мы... Словом, крутись, как хочешь. – Марина взглянула на Илью и умолкла, поджав губы, сердясь не то на клиентов, не то на себя саму, что разоткровенничалась с Ильей.

– Здесь прекрасно, – сказал он, просто чтобы что-то ответить.

– Да, в целом у нас все отлично. Кстати, в прошлом году мы подписали договор с партнерами из России: теперь к нам ездят дети и подростки. Очередная группа прибывает послезавтра.

Остаток пути до возвращения в Главный корпус оба молчали. Собираясь зайти в здание, Илья вспомнил об озере. Он читал, что где-то рядом есть Бадаальско озеро – прекрасное и чистое, если верить информации из интернета.

– А до озера отсюда далеко? – спросил он.

Марина махнула рукой в сторону автостоянки.

– Видите дорогу? Она как раз ведет к озеру. Прогуляйтесь, не пожалеете. И полотенце прихватите, если плавать любите.

Номер, где Илье предстояло жить ближайšie полгода, был не слишком большим, но уютным: маленькая гостиная, в которой помещались диван, журнальный столик, пара кресел и телевизор, крошечная спальня – кровать, платяной шкаф, тумбочка и ванная комната с душевой кабиной.

Несмотря на то, что это был всего лишь казенный номер, ему постарались придать милый домашний вид: на полу лежал новый ковер с толстым ворсом; занавески, салфетки, вазочки, подсвечники, абажур – все было подобрано в тон.

По соседству, поведала Марина, жила семья врачей, еще двое медиков – специалистов по легочным заболеваниям, и она сама. Остальные сотрудники, включая доктора Дарко, были из местных.

– А вы откуда? Где живете? – зачем-то спросил Илья, хотя ему не было до этого дела.

– У меня квартира в Ужице. Но я предпочитаю в сезон жить здесь, – сухо ответила директриса.

Устроившись, распаковав свои немудрящие пожитки, Илья последовал совету Марины и сходил к озеру. Прогулка по лесу доставила ему большое удовольствие: дорога была широкая, по одну сторону высились сосновые деревья, по другую – темнел смешанный лес. В одном месте он услышал шум воды, подошел ближе и увидел родник, похожий на небольшой водопад. Возле родника стояли скамеечка и столик, чтобы желающие могли посидеть у ручья и набрать воды.

Озеро было и в самом деле редкой красоты. Опоясанное лесом, оно искрилось в лучах заходящего солнца, и гладь его была густо-бирюзового цвета. На берегу сидели несколько человек, некоторые купались. Илья отошел подальше ото всех и сел на траву.

Славица была бы в восторге, подумалось ему. Он не успел подавить эту мысль, хотя уже сто раз давал себе слово не впускать ничего подобного в свою голову. «Хватит оглядываться, хватит жить прошлым», – это ведь только сказать легко. Когда другой человек врастает в тебя почти на генном уровне, меняя тебя, становясь твоим мерилom и компасом, а потом вдруг исчезает, то как с этим смириться? Как преодолеть зависимость?

Илья собирался поработать в Бадальской Бане до ноября, подкопить денег, благо, что тратить ни на еду, ни на проживание не придется. А потом уехать в Белград, снять жилье, поискать работу.

Ацо надеялся, что он придет в себя и вернется, чтобы продолжить заниматься своим бизнесом, но Илья в это не особенно верил. И только сейчас, сидя на берегу лесного озера высоко в горах, вдыхая свежий, сладкий воздух, подумал, что, быть может, сумеет позволить ранам начать затягиваться.

Ему нравилось, определенно нравилось это место – строгая, величественная красота гор, стройные сосны, малахитовая зелень листвы, чудесное озеро, похожее на блюдо с прозрачной водой. По душе был и сам курорт – его старомодность, затерянность, отсутствие современного лоска и глянцевого прилизанности.

Илья впервые почувствовал, что действительно не зря приехал в Бадальску Баню. Если где и лечить изувеченную душу, то только здесь.

Глава четвертая

Слово «саркоидоз» вошло в жизнь Василины два года назад – да так в ней и застряло. Началось все с легкого покашливания, ломоты в мышцах и непонятной вялости по утрам. И мама, и участковый врач подумали, что это обычная простуда. В ход пошли сиропы от кашля, травяные настои и клюквенный морс – как говорила мама, природный антибиотик. Спустя пару недель, когда симптомы не прошли, девочку принялись лечить от бронхита. Потом заговорили об осложнении.

К тому моменту, когда правильный диагноз был, наконец, поставлен, болезнь перешла в запущенную стадию.

– Это не рак, не пугайтесь, болезнь не смертельная, – говорил Раисе пожилой московский профессор, к которому Вася с мамой попали на консультацию. – Лечение мы назначим. Но, помимо этого, желательна особая обстановка.

– Особая?

– Сами знаете, какая у нас экология. Девочке нужен свежий воздух. Желательно, горный, хвойный. Есть у вас возможность переехать? Или хотя бы отправлять дочь в санатории время от времени?

Прошлым летом Вася с мамой полтора месяца жили в санатории «Сосновый бор», что в марийских лесах. А в этом году, по областной программе для детей с заболеваниями легких, она отправилась в Бадальску Баню – одно из лучших мест для таких больных, как Вася.

– Нам бы, может, лучше и насовсем туда переехать. Только что я там буду делать? – говорила мама Васе и крестной Вале, имея в виду Сербию. – Жить ведь на что-то надо!

Тема была сложная, но Валентина, судя по блеску в глазах, решила «провентилировать» вопрос, а пока предстояло понять, в самом ли деле Васе станет лучше в Бадальской Бане.

Обо всем этом, только покороче, в двух словах, Вася поведала новой подруге, когда та велела рассказывать, что с ней не так.

Катя выслушала, потом досадливо поморщилась и заявила:

– С этим все ясно. Но вообще я спрашивала про то, как ты «выпала».

Вася отвернулась к окну. Они уже выехали за пределы городка, и теперь катили по трассе. Говорить об этом она не любила, да и не говорила ни с кем. Подруги у нее были, но никаких серьезных тем Вася с ними не обсуждала. Так, разве что всякие школьные дела.

Пару раз, правда, Васю затащило в «воронку» на людях, в школе, но, к счастью, никто особого значения не придал. Произошло все на перемене, а «вынырнув», Вася не сказала ничего сверхъестественного, вроде тех слов про мост и покойников, чтобы все кругом испугались, запомнили, а после принялись крутить пальцем у виска.

Мама и крестная Валя, конечно, знали, что она иногда проваливается в «воронку». Мама даже водила дочь к врачу, чтобы сделать снимок мозга, и ее реакция, если честно, смущала и немного раздражала. Раиса побаивалась проявлений дочкиной необычности и старалась убедить Васю (и себя), что это что-то вроде детской причуды. Вася вырастет – и перерастет свои «приступы». А пока надо меньше об этом говорить, чтобы оно постепенно само прошло.

Говорить ли Кате? Та ведь рассказала ей о себе и к тому же понравилась Васе своей находчивостью, общительностью, живостью. Она была похожа на птичку колибри – яркую, проворную, милую, Васе хотелось с ней дружить.

Но что, если Катя испугается или поднимет Васю на смех?

– Мне, кстати, тоже интересно, – раздалось спереди.

Девушка вскинула голову и увидела Диму, который обернулся к ним с Катей и выжидательно смотрел на Васю. Глаза у него были светлые, как и у самой Васи, и насмешки в них не было.

– Иногда я вижу разные *вещи*. И они потом сбываются, – сказала Вася. Это прозвучало неуклюже, и она покраснела.

Господи, почему она заливается румянцем по любому поводу?!

– То есть ты ясновидящая? – уточнил Дима.

– Да, наверное. То есть, не совсем, конечно, но... – Вася запуталась в словах. – В общем, впервые это случилось, когда мне было шесть. У меня в то время умер папа, и я очень испугалась. Плакала все время. – Горло сжалось, но она договорила. – Он попал под машину у меня на глазах. Перебегал дорогу и... И вот после это случилось в первый раз.

– Ты видела, как умер отец, тебя это потрясло, и открылись способности, – быстро проговорила Катя, резюмируя сказанное.

Вася кивнула: видимо, так и было.

– Мама потеряла запасную связку ключей, везде искала, но никак не могла найти и волновалась, что выронила их. Боялась, как бы жулики не нашли и не забрались к нам. И я провалилась в «воронку». – Она быстро взглянула на ребят, ожидая реакции. Они смотрели внимательно, серьезно, вышучивать ее не собирались. – Это всегда бывает одинаково: все кругом исчезает, я будто гложу, дышать становится тяжело, а в следующую секунду я оказываюсь в другом месте и... вижу. В тот раз я увидела, как мама сидит на краю ванны и плачет, а на стиральной машине возле нее лежат ключи и полотенце. Потом кто-то позвонил в дверь, мама вскочила, схватила полотенце, чтобы вытереть глаза, и ключи упали на пол. Она подняла их и машинально сунула вместе с полотенцем в бельевую корзину.

– Ничего себе, – присвистнул Дима. – То есть, если захочешь, ты можешь искать пропавшие вещи? А людей?

– Ну ты и придурок, – закатила глаза Катя. – Это от нее не зависит!

Дима нахмурился – видно, обиделся на «придурка». А Вася поспешно заговорила:

– Это похоже на то, как будто я смотрю телевизор, но каналы переключает кто-то другой. Что мне покажут, то я и вижу. Один раз увидела, как наш сосед в магазине потихоньку ворует продукты с прилавка – вот зачем мне это знать? Но однажды увидела, как мама идет на работу через парк, как обычно, и на нее падает большое дерево. Было утро, мы собирались уходить, а я не могу, реву, цепляюсь за нее. Мама в итоге в школу меня не отправила и сама на работу не пошла, позвонила и отпросилась. Вечером того дня начался ураган, сильный, с дождем и грозой, в парке попадало много деревьев, некоторые прямо на дорожку. Я не знаю, случилось бы с мамой что-то или нет, но...

– Но она осталась дома и не погибла, – договорила за нее Катя.

– И часто это с тобой бывает?

Вася отрицательно качнула головой:

– Сначала редко было, один-два раза в год. Потом, лет с тринадцати, стало чаще – примерно раз пять.

– Подростковый период. Половое созревание, – с умудренным видом проговорил Дима, и Катя фыркнула.

– И мама так считает. А вот с начала весны «воронка» была уже раз десять. Причем... – Вася замялась, думая, стоит ли говорить. Не испугаются ли ее новые друзья, как боялась она сама.

– Что замолчала? Говори уже! – поторопила Катя.

– В апреле нам сказали, что я попала в группу и в июне еду в Бадальску Баню. И за эти два месяца это случилось шесть раз. Не считая сегодняшнего.

Автобус резко трянуло, он подпрыгнул на кочке, как скаковой конь, и дети в автобусе завопили и засмеялись, а Нина Алексеевна принялась их успокаивать.

Вася, Катя и Дима всего этого даже не заметили, поглощенные разговором.

– Что ты видишь? – Вася поняла, что Катя встревожилась не на шутку. – Автобус падает с горы или еще что-то в этом духе?

– Нет-нет, – поспешно ответила она. – Ничего такого. Я, если честно, вообще не понимаю, что вижу.

– Рассказывай. Может, вместе разберемся. – Дима поправил очки на переносице.

Вася так не думала, но спорить не стала.

– В первые три раза я видела монастырь. Сначала решила, что это крепость – толстые стены, железная дверь, но потом вошла внутрь и увидела большую церковь, одно- и двухэтажные здания, а еще – монахов. Они сновали туда-сюда, и я подумала, что они чем-то напуганы.

– Они говорили что-нибудь?

– Я не запомнила. В голове осталось только имя – Владимир. Точнее, отец Владимир. А еще что-то связанное с луком.

– С луком? – удивилась Катя.

– А может, это тоже имя? Лука? – предположил Дима, и Вася с Катей уважительно на него посмотрели.

– Скорее всего! Не такой уж ты и придурок!

– Я об этом даже и не подумала, – призналась Вася, – но, похоже, ты прав!

– Ладно, все равно пока ничего не ясно. Давай дальше, – сказал Дима, старательно пряча довольную улыбку.

– В четвертый раз я стояла на высокой скале, со всех сторон были горы, поросшие густым лесом, а к вершине одной из них прилепился монастырь. Наверное, тот самый, где я была раньше. То есть не в жизни, а в «воронке». Я просто стояла и смотрела на монастырь, рядом никого не было. А потом кто-то подошел ко мне и встал за спиной. Я хотела обернуться, но не могла. Стало так страшно и... – Она облизнула пересохшие губы. – И холодно. Кто-то дышал мне в спину, и я ждала, что он вот-вот коснется меня, и тогда... Не знаю, что случилось бы, но я «вынырнула». Никогда так не радовалась, увидев свою кухню.

– Да уж... – Катя и Дима переглянулись. – А что еще ты видела? В другие разы?

– На прошлой неделе это случилось ночью. Я даже подумала, может, мне просто приснилось, но потом поняла: это был не сон. Я шла по кладбищу. Огромное кладбище – никогда таких не видела. Целое поле крестов и памятников! Сначала я просто двигалась по аллее, смотрела по сторонам и старалась прочесть надписи. Читала, но не запомнила ни одного имени. А потом посмотрела на одну из могил и увидела, что там, внутри, под землей, человек.

– Как ты могла это увидеть? – спросил Дима.

– Не знаю, как, но видела, прямо сквозь толщу земли. Человек в черном похоронном костюме лежал внизу, в гробу, и смотрел на меня. Прямо мне в глаза! Его рот был открыт, он что-то говорил, кричал, но я не могла разобрать слов. Потом он вскинул руки и стал стучать ими, как будто по крышке гроба, стараясь выбраться. У него не получалось, но он все бился, и кричал, кричал, а я не могла придумать, как ему помочь. – Вася перевела дух, сцепила пальцы в замок. – Позавчера я укладывала вещи и опять провалилась в «воронку». Снова была на том кладбище, видела человека в могиле и пыталась его откопать. А потом появилась она – женщина в темной одежде. Она сказала: «Ты не должна помогать им, или будешь проклята навеки!» Я переспросила, кому «им», и женщина раскинула руки в стороны – смотри! И тогда я увидела, что во всех могилах похоронены живые люди. Они безмолвно открывали рты, заламывали руки, рвались наружу. Я бегала по кладбищу и снова, и снова видела их – их были десятки, сотни, и все они хотели выбраться! Все смотрели на меня!

– Жесть! – Дима снова поправил очки, хотя они сидели нормально. Видимо, когда волновался, всегда так делал. – Что это должно означать? Такое уже было или еще будет?

– Такого вообще не может быть! – Катя посмотрела на Васю. – А потом? Эта женщина еще что-нибудь говорила?

– В тот раз – нет. А сегодня... – Вася покосилась на Диму, не к месту вспомнив обстоятельства их встречи. – Сегодня я шла вместе с ней в похоронной процессии, только гроба видно не было, и она сказала, что будет большая беда и что...

– Покойника переносят через мост. Потому что бояться, что он может вернуться. Ты это вслух сказала.

Все трое умолкли. Вокруг гомонила взбудораженная грядущим путешествием детвора: недавно Нина Алексеевна объявила, что скоро они подъедут к аэропорту.

– Ты же не думаешь, что это тебя несли хоронить? – прямо спросила Катя. – Или кого-то из нас?

– Мне кажется, дело не в этом, – медленно проговорила Вася. Она и вправду так не думала. – Тут есть какая-то загадка, и она связана с нашей поездкой.

– Пока не приедем в Бададьску Баню, мы ее все равно не отгадаем, – подвел черту Дима. Девушки были согласны с ним, причем Катя, в отличие от Васи, не столько волновалась, сколько предвкушала приключение.

Но ни один из них не мог предположить, что именно было им уготовано.

Глава пятая

Работы было много, и дни летели незаметно. Илья сам удивлялся, насколько быстро и легко влился в свою новую жизнь, включился в ритм.

Вставал в шесть утра и отправлялся на пробежку в парк. Никогда в жизни не бегал, да и не собирался, а тут вдруг проснулся однажды, неожиданно сам для себя спустился в парк и побежал. В первый момент чувствовал себя глупо, не знал, куда деть руки, но смотреть на него и смеяться было некому, и постепенно Илья расслабился. И на следующее утро снова отправился на пробежку.

Это стало приносить удовольствие: он не ставил перед собой сверхзадач – пробежать столько-то километров, сбросить вес, нарастить мышцы, прийти в отличную форму. Просто бежал – и ему казалось, он все дальше убегает от того плохого, тяжелого, болезненного, что случилось недавно в его жизни.

Всегда всем говорят – и Илье тоже говорили, что нельзя убежать ни от грехов, ни от прошлого, что нельзя оставить за спиной самого себя. Он верил – как было не верить? Но оказалось, что это не совсем так. Трусливо прятаться – вот что плохо. А в беге, в обычном беге, когда никто за тобой не гонится и ты никого не пытаешься догнать, есть некая философия.

Ты переставляешь ноги, подставляешь лицо ветру, воздушные течения обтекают тебя подобно воде – и мысли проясняются, и что-то темное поднимается со дна души и улетучивается, тает. Ты бежишь – и таким нехитрым способом борешься со своим несчастьем.

Илья дышал полной грудью, слушал пение птиц, вдыхал живительные ароматы хвои, травы, цветов и, напивавшись всем этим, возвращался к себе в номер. Принимал душ и отправлялся завтракать.

После начинался обычный рабочий день. Отремонтировать то, что сломалось, обойти территорию, проверить подачу воды и электроэнергии – ничего особенного, но время проходило быстро. Когда дел не было, он сидел в маленьком кабинетике, перебирал старые бумаги, листал журналы или читал электронные книги, предпочитая детективы.

По вечерам Илья ходил к озеру: ему нравилось купаться, когда никого не было поблизости, или же сидел с Дарко в кафе, в парке.

Дарко и в самом деле оказался прекрасным человеком и отличным собеседником. Он был разведен, имел взрослую дочь, которая жила в Австрии, и, кажется, был влюблен в директрису Марину. Илье это было непонятно: Марина не внушала ему особой симпатии, но сердцу, как известно, не прикажешь.

«Интересно, есть между ними что-то или нет?» – порой думал Илья, потягивая пиво в компании Дарко, но так ни разу и не спросил.

Пару раз Дарко приглашал нового друга к себе, и Илья охотно ездил. У Дарко был большой, но немного неряшливый и бестолково устроенный двухэтажный дом с верандой, которая выходила в сад. Они с Дарко брали домашнее вино, сыр и фрукты и до темноты сидели на этой веранде, а кругом жило и дышало село: кричали петухи, лаяли собаки, урчали моторы тракторов.

Илья уже знал, что Дарко всегда был городским жителем, жил в Валево, но после тяжелого развода с женой спонтанно продал квартиру и решил перебраться на природу, в горы. Так и оказался здесь лет семь или восемь назад, и хотя говорил, что нисколько не жалеет о своем выборе, и казался вполне довольным жизнью, но все равно выглядел среди этого деревенского пейзажа слегка неуместно.

Вино, которое Дарко делал сам, было терпким и кисловатым, пилося легко, словно сок, и, кажется, совсем не пьянило. Но это только казалось, потому что к концу посиделок встать с

плетеного стула было сложно, а язык с трудом ворочался во рту. Правда, наутро голова совсем не болела, похмелье не мучило.

Народу в Бане отдыхало и лечилось не так уж много. Марина была права, когда говорила, что это место не особенно популярно, и Илья был полностью согласен с нею в том, что это большая несправедливость. Тишина, покой, чудесная природа, прекрасные виды – что еще нужно людям?

Поначалу здесь жили всего человек двадцать – в основном немцы и финны. Чинные, молчаливые, почти все – пожилые. Они прогуливались по дорожкам парка, аккуратно принимали все рекомендованные процедуры, плавали в бассейне, словно большие молчаливые рыбины, степенно завтракали и обедали в столовой.

В начале июня, дней через десять после того, как Илья обосновался в Бадальской Бане, прибыли три группы детей из России, о которых говорила Марина. Одна группа была маленькая – десять человек, в двух других – по двадцать. Плюс – сопровождающие.

После их прибытия Бадальска Баня наполнилась звоном голосов, гомоном, смехом, разговорами. Размеренность и плавность сменились непредвиденностью и суетой. Прибавилось и проблем: то светильник разобьется, то резьбу у крана сорвет, но Илья ловил себя на мысли, что ничуть не раздражается. Жизнь во всех ее проявлениях снова забурлила, закипела рядом с ним, и он опять ощутил свою причастность к этому миру.

Десятого июня, выйдя из Главного корпуса и отправляясь на пробежку, он нос к носу столкнулся с Дарко.

– Привет. Ты чего так рано? – удивился Илья, зная, что обычно доктор приходит на работу к восьми.

– Спал неважно, – отрывисто ответил тот.

Это было не похоже на улыбчивого и приветливого Дарко. Илья обратил внимание на его бледность и темные круги под глазами.

– Наверное, ты полнолуние чувствуешь, – предположил Илья. – Конечно, такая лунища – не уснуть.

Луна и в самом деле была в последние пару ночей жутковатая, прежде Илья не видел ничего подобного: красный шар, напоминающий раскрывшийся в небе воспаленный глаз неведомого чудовища. Вся округа была залита багряным светом, который проникал в комнату даже сквозь занавески.

Дарко вздохнул, ничего не отвечая.

– Что-то случилось? Ты не заболел? – обеспокоенно спросил Илья.

– Соседка все нервы вчера вымотала. Есть у нас одна... Слегка не в себе, еще и пристающая. Я как-то уклонялся от разговоров, а вчера она пришла прямо ко мне и давай... – Доктор замолчал.

– Чего ей надо было?

– Даже вспоминать не хочу, – поморщился Дарко. – Ладно, давай беги, Форрест, беги. После поговорим.

До приезда групп из России Илья бегал в парке в полном одиночестве. Отдыхающие в это время еще спали, а среди персонала желающих размяться не было. Но уже на следующее утро после прибытия россиян Илья обнаружил, что ему навстречу бежит девушка в желтой футболке.

Поравнявшись с нею, Илья увидел, что это Нина, сопровождавшая группу из Подмоскovie. Они улыбнулись друг другу с понимающим видом, будто владели общим секретом, поздоровались, и хотя не стали останавливаться и побежали дальше, но с тех пор, встречая где-нибудь друг друга, всегда улыбались, как старые знакомые.

Нина бегала каждое утро, иногда они пересекались, а иногда Илья видел ее вдалеке. Девушка была милая и симпатичная, но подходить и беседовать не хотелось: утренний бег для Ильи был чем-то вроде ритуала, нарушать который казалось неправильным.

Однако сегодня и тут все было иначе. Позже, обдумывая случившееся, Илья был уверен: тогда-то, десятого июня, все и началось, хотя до наступления основных событий оставались еще несколько суток.

Но как раз в тот день гармония начала нарушаться, привычный ритм стал сбиваться, а конструкция – ломаться, и это набирало и набирало обороты до тех пор, пока все окончательно не смешалось, не слетело с привычных рельсов.

– Извините, Илья, может быть, стоит запереть двери заброшенного корпуса? – поздоровавшись, остановившись возле него, спросила Нина.

На темных волосах девушки была голубая косынка, которая оттеняла необычный, глубокий темно-синий оттенок ее глаз. Илья впервые обратил внимание и на глаза, и на ямочки на щеках, и невольно залюбовался милым, свежим личиком Нины. Классической красавицей ее не назовешь: рот, пожалуй, чуть великоват, никаких точеных скул нет и в помине. И все же девушка была так хороша в ту минуту, что Илья не удержался и улыбнулся, но поспешил согнать улыбку с лица, заметив, что Нина выглядит серьезной и даже озабоченной.

– Запереть? – переспросил он.

– Понимаете, в нашей группе есть мальчик, Артем Сомов. С ним вечно что-то случается, на редкость проблемный ребенок, он каждый раз... – Нина нахмурилась, хотела сказать что-то еще, но сама себя перебила. – В общем, вчера вечером он куда-то запропастился, и я его нашла как раз в том корпусе. Другие дети говорят, он туда не в первый раз пошел. Там ведь небезопасно, здание старое и можно с лестницы...

– Погодите-ка, – прервал ее Илья. – Вообще-то все двери корпуса заперты. Я лично проверил замки.

– Когда?

«Она что, подловить меня хочет?» – внутренне ошетинившись и позабыв про Нинины синие глаза и задорные ямочки на щеках, подумал Илья.

– Я делаю обход каждый вечер. Это входит в мои должностные обязанности, – сухо ответил он.

Нина слегка покраснела и, похоже, испугалась, что задела его.

– Извините, я вовсе не хотела ставить под сомнение... – Она растерянно взглянула на него. – Но когда я туда прибежала, дверь была открыта. И Артем был в подвале, а там...

– Хорошо, я сейчас взгляну. – Илья решительно развернулся и направился в сторону старого корпуса. О пробежке было забыто.

Илья точно знал, что двери были заперты – и центральная, и задняя, окна – надежно закрыты, а те, стекла в которых оказались выбиты – заколочены досками. В чем же дело? Видимо, паршивый мальчишка умудрился выкрасть ключ.

Он быстрым шагом шел к выходу из парка, не сразу заметив, что Нина идет следом. Илья открыл рот, собираясь сказать, что это не обязательно, он и сам проверит, но Нина быстро проговорила:

– Вы ведь не против, что я схожу с вами?

Он взглянул на нее, шагающую рядом, и подумал, что действительно не против.

Заброшенный корпус был двухэтажным и когда-то, в былые времена, нарядным. Даже чересчур нарядным: все эти колонны, балкончики, стрельчатые окна, башенки не слишком отвечали вкусу Ильи. Сейчас многие окна пришлось заколотить, черепица местами осыпалась, по фасаду расползлись трещины. Издалека старый корпус выглядел еще ничего, но при ближайшем рассмотрении казался довольно жалким.

Центральная дверь была заперта, но обойдя здание, Илья убедился, что запасной выход и вправду открыт. Осмотрев корпус повнимательнее, он заметил разбитое окно подвала.

– Вот как он туда попал. А дверь открыл изнутри.

– Он другого ребенка с собой звал. Сказал, чтобы тот пришел, как стемнеет. Мол, дверь будет не заперта. – Нина прикусила губу.

Илья посмотрел на девушку.

– Не переживайте. Я заколочу окно. И буду каждый день проверять. Но вы все же скажите ему постороже, чтобы не болтался, где не надо.

Он взялся за ручку.

– Скажу, конечно.

Илья думал, что она уйдет, но Нина не двигалась с места.

– Я хочу зайти внутрь, посмотреть, что там и как. А вы идите. Скоро ваши подопечные проснутся. Как бы опять чего не вышло.

Нине, видимо, тоже хотелось зайти в здание, и к тому же не понравилось, что Илья отправил ее обратно, но она не стала возражать и ушла.

В здании пахло пылью и сухим деревом. Было пусто: всю мебель вывезли. Илья прошелся по коридорам, залам и комнатам, нигде не найдя ничего необычного, что могло бы привлечь озорного мальчишку.

«Артем был в подвале», – вспомнилось ему, и вскоре Илья уже шел вниз по каменным ступенькам.

В подвале было темно, сыро, пахло плесенью и чем-то еще. Запах был тяжелый, сырой, густой и шел, кажется, отовсюду.

«Может, кошка или белка забралась сюда и сдохла?» – подумал Илья.

У него не было при себе ни фонарика, ни телефона, и он не мог тщательно осмотреть помещение, чтобы выяснить, в чем дело. Решив не ломать голову, а прийти сюда позже, Илья выбрался наружу.

Только оказавшись вне стен здания, он испытал странное облегчение, потому что понял, как сильно ему было не по себе в том подвале. Почему, спрашивается? Ну, подвал, ну, темень...

Но Илья твердо знал: будь на то его воля, ни за что бы туда больше не пошел. И уж совершенно не понятно, чем это место могло привлечь мальчика-подростка, что могло ему там понадобиться.

Глава шестая

Погода испортилась ближе к утру. Когда они с вечера ложились спать, небо было ясным и звездным, как всегда, и ничто не предвещало ненастья, кроме мрачных прогнозов «Яндекса». Но как было им верить, когда на дворе такая благодать?

Все десять дней, что Вася провела в Бадальской Бане, были солнечными, теплыми и промелькнули, как одно мгновение. Счастливое мгновение.

Собираясь сюда, Вася опасалась, что не сможет прижиться там, где все чужое, незнакомое. Жить в иной стране, далеко от дома и мамы, в одной комнате с другой девочкой, да еще по распорядку, да вдобавок нужно будет проходить какие-то процедуры... На деле же все оказалось настолько здорово, что Вася иногда думала, не снится ли ей это. Они поселились с Катей в просторной светлой комнате, окна которой выходили на большой прекрасный парк. Нина Алексеевна оказалась милой и совсем не строгой. С мамой они каждый день разговаривали – правда, не по телефону, потому что дорого, да и связи в горах нет, а по интернету, через мессенджер, но какая разница, если слышишь родной голос так, будто мама совсем рядом?

Что же касается здоровья, то Вася совсем забыла, что приехала лечиться. Дышалось тут легко и свободно, никакой слабости не было в помине, и ей уже стало казаться, что доктора попросту ошиблись, и она ничуть не более больна, чем та же Катя. Она пила какие-то настои и минеральную воду, принимала лечебные ванны, ей давали витамины, но самым лучшим лекарством, конечно, был чистейший горный хвойный воздух.

– Чтобы вам было понятнее, Баня – это спа-курорт или, как было принято говорить у вас в России в девятнадцатом веке, «воды», – объяснял доктор Дарко, главный врач Бадальской Бани, в первый день, когда они только приехали. Он знал русский, потому что несколько лет то ли работал, то ли учился в России, и говорил понятно, но с сильным акцентом. – И наша Баня, и все другие – это настоящие центры здоровья, вылечить тут можно практически все. Кстати, одна из Бань – Атомска Баня – единственное место в Европе, где лечится даже рассеянный склероз! Это я вам для того говорю, чтобы вы знали: ваши болячки мы обязательно подлечим, домой поедете как новенькие. – Все заулыбались, и доктор Дарко продолжил: – Бань в Сербии больше пятидесяти, а природных источников – больше тысячи. Чаще всего в Банях бьют источники геотермальных и минеральных вод, реже бывают лечебные грязи, а некоторые горные районы – в том числе и наш – из-за уникальных лечебных свойств считаются «воздушными Банями».

Помимо процедур можно было гулять по парку, читать книжки, сидеть в интернете, ходить купаться на озеро Бададь, валяться на пляже и бездельничать.

– Слушайте, я бы тут навсегда осталась, – сказала на днях Катя, нежась на солнышке. Они только что вылезли из воды, и бриллиантовые капли еще сверкали в ее волосах. Она не накрасилась, выглядела юной и странно ранимой. – А что? Скажу матери, пусть купит мне тут дом, я от нее навсегда отстану – пусть устраивает свою личную жизнь, сколько хочет.

– А жить на что? – спросил прагматичный Димка, всеми силами стараясь не пялиться на Катину ладную фигурку в открытом купальнике. – Сказочница.

– Какой ты нудный! – поморщилась Катя. – Устроилась бы кем-нибудь сюда, в Баню.

Вася хмыкнула, представив себе Катю, которая работает на кухне или в детской комнате.

Ребят их возраста было немного. Точнее, и вовсе не было. В их группе, кроме них самих, самым старшим был четырнадцатилетней Артем Сомов, которого поселили в одной комнате с Димой. В группе из Сибири были дети чуть старше десяти, а третья группа, тоже откуда-то с севера, была смешанная, как и их собственная, там были девочки и мальчики девяти-четырнадцати лет.

Так что Дима, Вася и Катя как приехали, так и держались вместе. И не только потому, что ровесников больше не было, но и потому, что как-то сразу сдружились. А бедный Димка еще и влюбился в Катю. Вася ясно это видела, хотя сам Дима этого, кажется, еще не сознавал. Васе было жаль парня: она знала, что ничего ему не светит. Ведь помощником руководителя в третьей группе был Арсений, которого все называли Арсом.

В их группе помощника воспитателя не было вовсе – видимо, потому что группа маленькая, у сибиряков и руководитель, и помощник были немолодыми строгими дамами, похожими так, что не отличишь одну от другой. Арсений же работал в паре со спортивного вида брюнеткой лет сорока по имени Оксана Юрьевна, и они, кажется, отлично ладили.

Да и кто не ладил с Арсением? Как сказала Катя, он был просто бог. Некоторым людям природой отмерено очень щедро, и Арс был из таких. Он был красив – причем не щенячьей юношеской красотой, которая привлекательна только своей свежестью, а по-настоящему: лицо, фигура, волосы, движения, походка – все в нем было совершенно.

Арсений учился на пятом курсе факультета иностранных языков, в совершенстве знал английский и французский, учил сербский, играл на гитаре, а вдобавок обладал легким, веселым нравом, и люди тянулись к нему, а дети из группы так и вовсе обожали.

Катя пропала, едва взглянув на него, а у Васи не хватало храбрости даже как следует посмотреть. Что толку? Такие парни не для таких, как она. Они даже не для таких, как Катя. Для Арсения и ему подобных по земле ходят необычные, прекрасные девушки-феи – манящие, как сирены, с шикарной внешностью и мелодичными голосами.

Но даже безответная Катина и Диминая любовь не носили оттенка трагичности. В Бадальской Бане было хорошо и спокойно, и ничто не могло омрачить прелести этого места. По крайней мере, так было до сегодняшнего утра.

Вася встала рано: ее разбудил шорох. Выплывая из глубин сна, она не сразу сообразила, что это перестук капель по стеклу и подоконнику.

«Значит, прогнозы все-таки оправдались», – грустно подумала Вася, встала и подошла к окну.

Небо было затянуто тучами так плотно, что не видно ни единого просвета, в который мог бы скользнуть солнечный луч. Тут и там виднелись большие лужи; деревья, даже стройные сосны, казались унылыми и поникшими. Налетавшие то и дело порывы ветра задевали пышные цветы на клумбах, и те склоняли головы-бутоны, словно получив пощечину.

Когда приходит ненастье, почему-то сложно поверить, что еще совсем недавно картина была иной. В непогоде есть что-то обреченное и окончательное, думалось Васе, что-то мешающее надеяться. Смотришь на залитую дождем улицу и думаешь: неужели и вправду еще вчера сияло солнце, а все кругом купалось в его лучах?

Не выйдут сегодня на пробежку ни Нина Алексеевна, ни Илья. Вася часто их видела, но бегали они всегда по одиночке. Какая уж сегодня пробежка? Того и гляди в лужу шлепнешься.

Илья был немного странный. Жил, как и они все, в Главном корпусе, и был единственным русским среди персонала. Вроде суровый, строгий на вид, замкнутый, но несколько раз Вася слышала, как он смеется, когда говорит со своим приятелем доктором Дарко, и тогда казалось, что в этом смехе – он весь. Вот он какой, настоящий Илья, а строгость – это просто показуха. Или он за ней прячется.

Васе нравилось наблюдать за людьми, она даже записывала свои наблюдения в блокнот, хотя никому об этом не говорила. Может быть, когда-нибудь она напишет рассказ или очерк, и все эти заметки ей пригодятся.

– Что за фигня? – раздалось за спиной.

Вася обернулась. Катя, сонно шурясь, сидела в кровати.

– Дождик, – вздохнула Вася и пошла в ванную.

Дождь не прекратился ни через час, ни через два, ни после обеда. Весь день отдыхающие не вылезали из корпуса, и Катя недовольно говорила, какая здесь тоска зеленая. Они сидели в комнате отдыха и играли в домино.

– А ты еще тут жить собиралась, – заметил Дима, терзаясь от того, что Катя то и дело стреляла глазами в сторону Арсения, который недавно вошел и о чем-то вполголоса говорил с Ниной Алексеевной.

– Ага, как же! – проворчала переменчивая Катя. – Хорошо, хоть бассейн есть. Может, сходим вечером?

Вася согласилась, и они принялись обсуждать, во сколько лучше пойти: до полдника или после, но тут из холла послышался какой-то шум. Голоса, громкие и взволнованные, поднимались все выше, а один из них – женский – почти срывался на крик.

Не сговариваясь, все трое вскочили на ноги и устремились к выходу.

В холле разыгрывалось настоящее представление. Возле стойки администратора стояла пожилая женщина в темных брюках, свитере и резиновых сапогах. Поверх одежды на ней был прозрачный дождевик, с которого стекала вода, образуя островки на плитках пола.

Она горячо говорила что-то, размахивая руками, то и дело указывая куда-то в сторону автомобильной стоянки. Девушка-администратор за стойкой и рыжеволосая женщина – директор Бани Марина – пытались, судя по всему, успокоить ее, заставить уйти, но та ни в какую не соглашалась.

Уже начала собираться толпа отдыхающих: пятеро немцев, насупив белесые брови, беседовали между собой на своем отрывистом наречии. Вся эта суматоха была им явно не по вкусу. Больше десятка ребятишек из разных групп сгрудились возле окна, с любопытством глядя на спорящих. Финская супружеская пара стояла молча, держась за руки и напряженно вытягивая шею.

Разговор шел на сербском, поэтому никто ничего не понимал.

Это вообще наивная иллюзия, что сербский и русский – похожие языки. Да, есть несколько десятков слов, которые можно понять, но погоды они не делают. Даже если и удастся их вычленивать в общем стремительном потоке речи, все равно толком не разберешь, о чем говорят. И русского тут никто не знает, разве что «спасибо» и «пожалуйста».

Конечно, отдыхающим не сильно мешало незнание языка. Можно было сориентироваться, объяснить в столовой или с медперсоналом при помощи жестов, десятка сербских слов, которые удалось выучить, или английского языка, который все работники Бани отлично знали. В более серьезных случаях можно было прибегнуть к помощи русских, знающих сербских: Илья и Арсения.

Похоже, как раз сейчас Арсений толмачил для руководителей групп, и лицо у него было озадаченное, будто то, что он слышал, его удивляло.

В холл быстрым шагом вошли Илья и доктор Дарко. Они приблизились к женщине, которая все так же, не сбавляя тона, твердила что-то Марине. Увидев Дарко, она метнулась к нему, как к старому знакомому, словно призывая его в свидетели. Он заговорил громко, стараясь перекрыть ее голос, и лицо его сделалось непривычно сердитым.

Голос Дарко звучал властно, даже чуть угрожающе, и это возымело действие. Ему удалось убедить скандалистку перестать кричать, и они с Ильей повели ее к выходу, чтобы убедиться, что женщина в самом деле ушла.

Все остальные, так ничего и не поняв, стали расходиться. Директриса и девушка-администратор, фальшиво улыбаясь, уговаривали отдыхающих успокоиться. Немцы, финны покинули вестибюль и, кажется, отправились в библиотеку. Руководители групп увели детей наверх.

И только Вася, Катя и Дима так и остались стоять возле кадки с лимонным деревом. Катя и Дима, обсуждая случившееся и делясь предположениями, не сразу обратили внимание на белое, как сметана, лицо подруги.

– Васька, ты чего? Вася! – наконец-то спохватилась Катя и принялась ее тормошить. – Дим, у нее, кажется, опять приступ!

Даже появление Арсения, который подошел узнать в чем дело, не потрясло ее и не порадовало: Катя была слишком взволнована состоянием Васи.

– В чем дело? Что за приступ? – Арсений взял Васю за руку, и она словно вернулась откуда-то.

– Нет у меня никакого приступа, – быстро проговорила она.

– Присядь-ка вот сюда.

Арсений подвел ее к одному из кресел возле стены. Катя и Дима тоже подошли. Арс набрал воды из кулера, протянул стаканчик Васе.

– Тебе лучше? Что случилось?

Вася беспомощно посмотрела на него, потом перевела взгляд на Катю с Димой.

– Эта женщина...

– Та, что вопила? И что насчет нее? Ты ее уже встречала? Что она тебе наговорила? – Арсений забросал девушку вопросами.

– Я ее уже видела, но только не в жизни, а... – Вася недоговорила, и Катя, как часто бывало, перехватила инициативу:

– В своих видениях! Это та женщина в черном из похоронной процессии?

Глава седьмая

– Слава богу, хоть вам удалось выпроводить эту ненормальную, пока все не сбежались! Марина говорила раздраженным тоном, свойственная ей нервозность еще больше усилилась, и Илье казалось, что директриса вот-вот заискрит, как неисправная розетка, а огненно-рыжие волосы вспыхнут.

Они расположились в ее кабинете: Илья и Дарко сидели, Марина нарезала круги вокруг дивана, словно акула вокруг шлюпки. Милица – так звали возмутительницу спокойствия – ушла, свидетели неприятной сцены тоже разбрелись кто куда, но Марина все никак не могла успокоиться.

– Больше она не придет, мне кажется, – неуверенно проговорил Дарко. – Я сегодня вечером еще зайду к ней, попробую поговорить.

– Так это та самая назойливая соседка, которая в последнее время тебя изводит? – спросил Илья, вспомнив, что говорил о ней Дарко.

Марина резко остановилась и уставилась на главврача.

– Она уже не в первый раз несет эту чушь? Вы могли бы как-то повлиять на нее! Не хватало нам проблем, так еще и это!

– Откуда мне было знать, что она сюда притащится? – возмутился Дарко.

– Могут пойти слухи, всякие разговоры!

– Хорошо, что почти никто из гостей не говорит по-сербски, – мягко перебил Марину Илья. – А мы, само собой, будем помалкивать. – Он поднялся. – Ладно, все хорошо, что хорошо кончается. Мне пора идти.

На самом деле ему куда не нужно было, но не хотелось сидеть здесь, выслушивая нервные реплики Марины.

Дарко тоже вышел следом.

– Зайдешь ко мне на кофе? – предложил доктор, и Илья согласился: ему хотелось поподробнее узнать о том, что говорила Милица.

Прикрыв за собой дверь, Дарко взялся за турку. Илья уселся в свое любимое кресло возле окна. Дождь лил и лил, не прекращаясь ни на секунду, и во дворе не было ни души.

– Марина, конечно, расстроена, – грустно заметил Дарко. – Дела и так идут не слишком хорошо, а если о Бане еще и болтать начнут... Кто захочет ехать лечиться в место с дурной репутацией?

– Да брось, – отмахнулся Илья. – Ты говорил, Милица не в себе. Никто не станет слушать сумасшедшую.

Вода закипела, Дарко открыл банку с кофе, и в воздухе поплыл густой кофейный аромат.

– Вообще-то никакого диагноза у нее нет, я просто так выразился. Милица совершенно адекватная, уважаемая женщина, если не считать того, что немного повернута на этой теме. Она историк по образованию, всю жизнь в школе проработала.

Илья был удивлен. Судя по тому, что несла эта дамочка, заподозрить ее в наличии образования, да еще и исторического, было сложно. Они с Дарко подошли не сразу, к тому времени Милица уже окончила свою пламенную речь, но из того, что Илья понял, следовало: вот-вот случится нечто ужасное, люди начнут умирать, Бададьска Баня станет братской могилой. Поэтому им всем надлежит немедленно покинуть это место, пока не поздно. А причина в том, что Черный Хозяин заворочался в своем гробу и скоро восстанет из мертвых, чтобы погубить живых.

– Разве нормальный человек будет говорить о том, что говорила она?

– Ты забыл, где живешь, – улыбаясь, заметил Дарко, разливая кофе по чашкам. – Я как-то прочел, что Сербия – это страна победившего мифа. Можно относиться к этому как угодно,

но сербские ученые доказывают, что вампиры появились и существовали именно на территории Сербии. Причем не киношные, придуманные, вроде знаменитого Влада Цепеша – графа Дракулы, а самые настоящие.

– Ты серьезно? – недоверчиво улыбнулся Илья, принимая чашку из рук друга. – Разыгрываешь меня?

– Ничуть. Гипотеза подтверждается документами из архивов Вены, если не ошибаюсь, семнадцатого века. В те времена одна часть Сербии принадлежала Австро-Венгерской империи, а другая – Османской. Так вот, в архивах, например, есть жалобы жителей сербских сел, которые просят австро-венгерские власти разобраться с эпидемией вампиризма, есть протоколы эксгумации тел, некоторые из которых выглядели именно «по-вампирски». А еще есть записи Фромбальда, которого австрийцы послали для расследования загадочного дела. Случаи странных повальных смертей фиксировали в разных сербских городах и селах: Крагуевац, Киселево.

– Что там были за истории?

– Не помню всех подробностей, но происшествия были весьма жуткие. Пей свой кофе, а то остынет.

Илья послушно сделал глоток.

– Тот вампир, что при жизни жил в Киселево, звался Петар Благоевич. Он внезапно скончался в расцвете лет, после похорон явился посреди ночи домой и попросил сына накормить его. Зловещие визиты повторялись несколько ночей, а потом сын отказал отцу и был убит. Спустя несколько дней в селе началась череда внезапных смертей местных жителей: выжившие твердили о ночных появлениях существа, похожего на Петара, которое заглядывало к ним в окна. Австриец Фромбальд, о котором я тебе говорил, приказал эксгумировать тело, и все убедились, что следов тления нет. Тело, как водится, пронзили колом, и в селе вроде бы все поутихло, но вспыхнуло в другом месте, в местечке под названием Медведжа. Павел Арнаут, служивый человек, был укушен неким существом, не то огромным волком, не то летучей мышью – забыл уже, давно читал обо всем этом. Потом он подал в отставку, вернулся домой, купил немного земли, построил дом, но прожил недолго. После его смерти люди стали говорить, будто покойник ночами бродит вокруг своей фермы, а глаза его горят красным огнем. Те, кто встречали его, заболели и вскоре умирали. Жертв становилось все больше, для расследования снова явилась комиссия из Вены, и снова была вскрыта могила, где лежал неразложившийся труп, который проткнули колом и кремировали.

– Я просто не знаю, что сказать.

– А про историю с вампиром Савой Савиновичем слышал? Говорили, что он орудовал на водяной мельнице, и мельница эта простояла до наших дней, туда даже туристы ездили. Так вот, когда буквально пару лет назад мельница от старости разрушилась, об этом написали в газетах, и одни люди обрадовались, что дурное место наконец-то перестало существовать, а другие стали запасаться чесноком и тесать колья, потому что верили, что вампир станет бродить по округе в поисках нового убежища.

Дарко умолк, поставил чашку на столик и улыбнулся.

– Так ты все-таки шутил! – проговорил Илья, почему-то почувствовав облегчение. Все эти вампиры, конечно, не более чем сказки, народный фольклор, но все же было как-то странно, что взрослые умные люди если и не верят в них, то все равно прислушиваются. – А я, дурак, уши развесил.

Главврач внезапно стал серьезным.

– Тут много всего накручено, не разберешь уже, где правда, в чем причина смертей. Может, эпидемия какая-то, может, массовые убийства. Но, видишь ли, я родился и вырос в этой стране и не могу отметать традиции, мифы, верования, какими бы странными они ни выглядели.

– Но почему эта Милица решила, что следующая вспышка вампиризма должна случиться именно здесь?

Дарко поджал губы и суетливым движением пригладил волосы.

– Давай больше не будем об этом, дружище. Все это глупости. Сказала и сказала. Чем меньше над всем этим ломать голову, тем лучше.

Илья удивился, что Дарко так резко свернул разговор: сам же вывалил на него все эти рассказы об упырях! Но постарался не подавать виду и заговорил о каких-то пустяках.

Спустя три дня дождь все еще не прекращался. Дарко говорил, что это первый дождливый июнь на его памяти.

– В мае да, бывает – даже то сильное наводнение 2014-го произошло именно в этом месяце. Но летом и до самого ноября всегда было сухо!

Илья и сам это знал: привык за годы жизни в Сербии к мягкому благодатному климату и тоже не мог припомнить такого сырого лета. Каждый день обитатели Бадальской Бани ждали, когда же прогнозы изменятся, но метеорологи были непреклонны: погода ожидалась такая же дождливая.

Хуже всего было то, что дожди не просто портили настроение и мешали полноценному отдыху – они вредили бизнесу. Марина ходила с мрачным видом и выглядела такой несчастной, что Илье было ее жаль, несмотря на то, что директриса не особенно ему нравилась. Дело было в том, что гости начали разбегаться из Бадальской Бани, а новые на их место не приезжали: отдыхающие узнавали о непрекращающихся дождях и отменяли заказы.

– У нас же все условия: и бассейн, и отличная еда, и в номерах уютно, – восклицала она. – Как будто дождь мешает принимать ванны или пить минеральную воду!

Все кивали, стараясь ее поддержать, при этом каждый, включая и саму Марину, прекрасно знал: минеральная вода и ванны – дело хорошее, но людям важно получать все лечение в комплексе, ведь основная ценность Бадальской Бани именно в потрясающем целебном воздухе. А в бассейне поплавать можно где угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.